

Содержание

<i>А. Долин. ДУХ ДЗЭН</i>	5
Глава первая. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ДЗЭН	20
Глава вторая. ОБЩИЕ РАССУЖДЕНИЯ О ЯПОНСКОМ ИСКУССТВЕ.	29
Глава третья. ДЗЭН И САМУРАИ.	48
Глава четвертая. ДЗЭН И ИСКУССТВО МЕЧА . . .	76
Глава пятая. ДЗЭН И КОНФУЦИАНСТВО	107
Глава шестая. ДЗЭН И КУЛЬТ ЧАЯ	126
Глава седьмая. РИКЮ И ДРУГИЕ МАСТЕРА ЧАЙНОЙ ЦЕРЕМОНИИ.	153
Глава восьмая. ДЗЭН-БУДДИЗМ И ЛЮБОВЬ ЯПОНЦЕВ К ПРИРОДЕ	169
Глава девятая. ЧЕЛОВЕК КАК ЧАСТЬ ПРИРОДЫ	184
Глава десятая. ЖИЗНЬ «В ПРОСТОТЕ»	204
Глава одиннадцатая. ПОЭЗИЯ ЦВЕТОВ, ПТИЦ, ВЕТРА И ЛУНЫ	224
ПРИЛОЖЕНИЕ	241
ДУХ ДЗЭН В ЯПОНСКОЙ ПОЭЗИИ	253
КОММЕНТАРИЙ	299
ГЛОССАРИЙ	311

А. Долин ДУХ ДЗЭН

«Никто не понимает Дзэн; никто не может его объяснить; писать о нем книги — наглость и нахальство. В сущности, и сам Дзэн, с одной стороны, являет собой род дерзости, а с другой — квинтэссенцию скромности, скромности природы». Эта парадоксальная тирада (вполне в дзэнском духе) взята из пятого тома «Дзэн и классики Дзэн», фундаментального сочинения замечательного знатока дальневосточной культуры Реджинальда Блайса, посвященного его идейному учителю и другу Дайсэцу Судзуки. На самом деле, как можно объяснить необъяснимое, высказать несказанное, передать словами и понятиями непередаваемое? Ведь еще легендарный основатель Учения Бодхидхарма изрек полторы тысячи лет тому назад:

Истина сокрыта вне письмен.
В знаках и словах не передать Закон.
К сердцу обратись, вовнутрь и вспять,
чтоб, себя постигнув, Буддой стать.

Дзэн (*кит.* Чань, *санскр.* Дхьяна) отнюдь не исчерпывается своим изначальным значением «самосозерцание». Будучи, как и многие другие великие учения древности, одновременно религией и философией, этическим каноном, Дзэн-буддизм с течением веков стал для миллионов и миллионов обитателей Японии, Ки-

тая, Кореи, Вьетнама и ряда других стран Востока тем, чего нам так мучительно не хватает, к чему все мы тщетно стремимся, одержимые бесчисленными страстями и соблазнами нашего бурного времени, — искусством Жизни.

Безусловно, и христианство, и ислам, и иудаизм, и буддизм в самых разнообразных своих ответвлениях могут претендовать на ту же роль для стран иного культурного ареала, а иногда, если дело касается даосизма или синтоизма, даже конкурировать с Дзэн в Китае или на Японских островах. И все же есть серьезная первопричина, обусловившая небывалое распространение дзэнских влияний в области поэзии и живописи, архитектуры и садово-паркового дизайна, аранжировки цветов и чайной церемонии, классического театра и воинских искусств. Есть причина и для бурного всплеска интереса к Дзэн на Западе в послевоенный период, за которым последовала «дзэнская революция» американской молодежи. Есть причина для неослабевающего потока фундаментальных исследований Дзэн-буддизма, популярных очерков, переводов и художественных произведений дзэнского толка, которых в США, Европе и Японии насчитывается сотни томов. Вот и наша страна с опозданием в сорок лет подключается к общемировому процессу постижения Бытия по Дзэн, чей секрет «загадке жизни равносителен».

Весьма условно можно сказать, что сверхзадача всех мировых религий — в спасении души человеческой. Обретя перспективу загробного существования в лучшем мире при условии соблюдения некоторых вполне конкретных норм и требований, смертный как бы получает реальный стимул к самосовершенствованию, которым и занимается в рамках своего вероисповедания доступными ему средствами. Пуритане и мормоны, святые столпники и старцы в скитах, благочестивые суфии и бродячие дервиши, породившие инквизицию иезуиты

и достигшие вершин самопознания тибетские ламы стремились к одной цели — усердным радением преодолеть оковы земного существования, очистить «душу» и подготовить ее к вознесению в мир иной, в мир Абсолюта, где царит Христос, Аллах, Иегова или Будда — могущественный повелитель Вселенной. Именно эту цель и отвергает Дзэн, провозглашая самоценность жизни земной со всеми ее радостями и горестями, тревожностями и заботами. Жить не во имя светлого грядущего, завтрашнего рая, а во имя самой жизни, предаваться самосовершенствованию не для того, чтобы уподобиться святому, шейху, бодхисаттве, а лишь затем, чтобы упрочить собственное положение на грешной земле и помочь людям — вот чему учит Дзэн, вот чем привлекает он людей на разных континентах. «Можно сказать, — утверждает в одном из своих трудов Д. Т. Судзуки, — что Дзэн высвобождает различные виды энергии, естественным и надлежащим образом заложенные в каждом из нас, но пребывающие обычно в стесненном и извращенном состоянии, не находя адекватного канала, выхода для деятельности».

Первая из «четырёх благородных истин» буддизма гласит, что жизнь есть страдание. В бесконечной череде рождений и смертей, обретая все новые и новые перевоплощения, человек живет в непрестанных тяготах и муках, не в силах преодолеть порочный круг сансары¹. Подчиняясь закону всеобщей причинно-следственной связи, карме, каждый несет на себе бремя грехов, совершенных в прошлых перерождениях, и в текущей жизни закладывает основы перерождений грядущих. Будда Шакьямуни в своем Великом Законе, Дхарме, определил альтернативу юдоли страданий, злосчастной сансаре, данной в удел смертным. Это нирвана, царство Пустоты, обитель покоя, изначальное Небытие, куда возвращается праведник, отрешившись от иллюзорного земного мира, от суетных пристрастий. Путь к освобождению человека от

¹ Круг земных страстей и влечений, здесь и далее см. Глоссарий.

уз сансары, согласно ортодоксальной доктрине буддизма, лежит через отказ от всех естественных проявлений человеческой природы, умерщвление плоти, успокоение духа, умиротворение интеллекта. Три «благородные истины», следующие из первой, поясняют, что страдание происходит из желаний; что прекращение страданий возможно лишь посредством прекращения желаний; что достигнуть прекращения желаний можно лишь путем монашеской аскезы и углубленного самопознания.

Во всех своих разновидностях буддизм утверждает, что наши беды являются плодом заблуждений, невежества, неумения увидеть и осознать горизонты единого мироздания. Путь спасения есть путь познания, осознания себя во вселенной и вселенной в себе. Однако различные направления и секты буддизма предлагают различные методы познания, ведущие — во всех случаях, кроме одного, то есть кроме дзэнского Прозрения — к неизбежному блаженству нирваны. Преодоление мирских страстей во имя достижения нирваны с самого момента зарождения буддизма (VI—V вв. до н.э.) на много столетий определило идеалы учения Хинаяны («Малой колесницы»), воплотившиеся в образе святого подвижника, архата, далекого от проблем нашей бренной юдоли.

Второе магистральное направление буддизма — Махаяна («Большая колесница», влекущая человека к спасению), зародилось в I—II вв. н.э. и несколькими столетиями позже породило доктрину Дзэн. Характеризуя отличия Махаяны от Хинаяны, выдающийся дзэнский мастер Хакуин (1686—1769) писал: «Предположим, у нас так много золота, что оно нуждается в охране. И вот сторож закрывает двери в комнату, укрепляет их железной цепью, а сам садится возле золота и караулит. Таким образом, никто посторонний не сможет украсть его. Однако мы не можем сказать, что его сохранность является заслугой владельца. Такова и эгоцентрическая практика

последователей Хинаяны, которые взыскуют просветления только для самих себя. Теперь представим себе, что человека попросили доставить эти же золотые монеты в определенное место, для чего ему потребуется миновать немало разбойничьих гнезд, где воры и грабители кишат подобно пчелам или муравьям. Если человек достаточно отважен, он заткнет за пояс меч, подвернет полы одежды выше колен, подвесит на посох узелок с золотом и бесстрашно доставит сокровище к месту назначения, не раз вступая в схватки с злодеями. Тогда-то, разумеется, его будут превозносить как мужа великой доблести и отваги. Он будет подобен бодхисаттве, что взыскует просветления для себя, но в то же время ведет людей к спасению».

Махаяна противопоставила типичному для раннего буддизма идеалу архата принципиально иной образ Просветленного, обладающий как божественными, так и земными свойствами, и отнюдь не чуждый простому человеку. Бодхисаттвы (букв. «постигшие мудрость»), будучи ипостасями Будды в прошлых и грядущих рожденьях, должны были направлять усилия не столько на личное, сколько на «общественное», оказывая покровительство людям и ведя их по праведному пути, зачастую ценой самопожертвования.

Приверженцы Махаяны, развив буддийскую доктрину, выдвинули тезис о «трех телах Будды» — теле Сущности (дхармакая), теле Блаженства (самбхогакая) и теле Превращения (нирманакая). Будда, явленный в теле Превращения как историческая личность Сиддхартха Гаутама, представал в Этой системе эманацией тела Блаженства (обитающего в буддийском раю), а оно в свою очередь порождением тела Сущности, составляющего и наполняющего все мироздание. Заметим, что и культ бодхисаттв, а также многочисленных «добавочных» будд, и положение о «трех телах» (трикая) впоследствии без изменений вошли в доктрину Дзэн. На началь-

ном же этапе в Индии, а несколько позже в Китае, в Корее и в центральноазиатском Кушанском царстве доминировали две школы Махаяны — Мадхьямика («Учения о Срединном пути») и Виджнянавада («Учение о сознании»), иначе именуемая также Йогачара («Путь йоги»).

В основе теории первой школы лежало учение о все-ленской Пустоте (шуньята), тотальный онтологический нигилизм. Наиболее полно тезис о Пустоте, иллюзорности мира, априори заключающего в себе нирвану, получил освещение в сочинениях философа Нагарджуны. Из теории шуньяты вытекал весьма многообещающий вывод: поскольку, с одной стороны, все в мире есть плод нашего воображения, а с другой стороны — часть тела Будды, в том числе и сам человек, то для достижения нирваны человеку достаточно лишь осознать это обстоятельство, ощутить себя буддой. Образ же нирваны может открыться взору смертного и в окружающих его картинах природы, о чем не раз напоминали в дальнейшем дзэнские наставники и мастера.

Школа Йогачара, из которой, кстати, происходил и легендарный основатель Дзэн-буддизма Бодхидхарма, стояла на крайне идеалистических позициях, провозглашая приоритет субъективного сознания над всяким опытом, допуская при этом, правда, существование независимой от человеческой мысли «таковости», «самобытности» бытия (татхата), не поддающейся никаким характеристикам и столь же всеохватной, всепроницающей, как Великая Пустота. Для адептов Виджнянавады путь к спасению лежал через духовное восхождение, через тот или иной вид йоги. Ведущими философами школы были Асанга и Васубандху, жившие в IV в.

Каноны Махаяны включают часть классического палийского канона буддизма (на языке пали) и ряд значительных сочинений на санскрите, которые впоследствии были переведены на китайский и в таком виде пришли

на Японские острова. В частности, на санскрите были написаны «Вайпулья сутры» («Развернутые сутры»), из которых главными являются «Сутра Лотоса благого закона», содержащая программные положения Махаяны, и «Сутра Добродетели высшей мудрости». Однако существует и великое множество других сочинений — буддийских сутр и трактатов с обширнейшими комментариями, — которые составляют неисчерпаемый кладезь знания для приверженцев различных сект и школ Махаяны, в том числе, разумеется, и секты Дзэн.

Мифическая родословная Чань (Дзэн) восходит к тем временам, когда Шакьямуни различными средствами пояснял ученикам высшую истину Дхармы. Однажды, желая продемонстрировать в действии принцип передачи знания от сердца к сердцу вне слов и письмен, Будда безмолвно поднял перед собранием цветок. Из всех присутствующих только старец Кашьяпа понял сокровенное значение жеста и ответил Будде улыбкой. С Кашьяпы начинается линия так называемых буддийских патриархов, которых насчитывается до VI в. н. э. двадцать семь. Двадцать восьмым буддийским патриархом и первым патриархом, то есть создателем Дзэн, стал Бодхидхарма — сын владетельного раджи из Южной Индии, вступивший в молодости в секту Йогачара и прибывший в 520 г. в Китай с группой сподвижников.

Принимая в целом доктрину Махаяны, Бодхидхарма выступил с проповедью принципиально нового учения, в котором отвергалось интеллектуальное суемудрие, книжная ученость, вербальный способ передачи знания. Утверждая, что интеллект лишь затемняет путь, ведущий к просветлению, Бодхидхарма выдвинул на первый план интуицию и непосредственный опыт. Согласно его теории, мироздание представляет собой целостное Единство, частью которого является человек. Однако интеллект побуждает человека к дуалистическому восприятию действительности. Мы разделяем хорошее и плохое, веселое

и грустное, дух и плоть, конечное и бесконечное, не сознавая, что все едино и неразрывно связано в потоке кармического времени и пространства. В избавлении от дуальности — путь к спасению, к обретению свободы, к просветлению.

Просветление, дающее подвижнику качественно новое мировосприятие, выступает конечной целью радения во всех буддийских сектах и школах, но в китайском Чань и японском Дзэн особо акцентируется спонтанная, непроизвольная природа Прозрения (*кит.* у, *яп.* сатори), достигнутого в результате интуитивного прорыва сквозь тьму обыденного сознания. Наиболее естественным способом достижения Прозрения служит сидячая медитация — дза-дзэн (*кит.* цзо-чань), но есть немало других способов, в том числе и включающих динамическую практику.

Преемники Бодхидхармы разработали вполне конкретные методики для стимуляции спонтанного Прозрения. Монахи в чаньских монастырях, а также послушники и миряне, желавшие пройти соответствующий курс, обучались у Мастера, который контролировал их поведение, вкусы, занятия и пристрастия. Наиболее популярным методом обучения были коаны (*кит.* кун-ань) «слу-чай», «анекдоты», то есть ситуативные парадигмы из жизни выдающихся чаньских наставников, собранные и систематизированные в ряде хрестоматий. Они служили темами для размышления и прививали приверженцам Дзэн способность нестандартной оценки событий, отходящей от основ дискурсивной логики. При этом допускалась совершенно неожиданная спонтанная реакция в виде абсурдного на первый взгляд ответа или выкрика, которые должны были продемонстрировать дзэнское понимание Пустоты, Единства и Самобытности всего сущего (см. Приложение). Многие поколения учеников воспитывались на классических коанах, но со временем возникали и новые, которые в свою очередь

канонизировались. Таким образом, секта, отвергавшая ценность книжного знания, постепенно обростала пластами антологий, хрестоматий, комментариев, биографических описаний, трактатов и эссе, составивших огромное письменное наследие как в китайском, так и в японском вариантах.

Не меньшей популярностью, чем коаны, пользовались диалоги между учителем и учеником — мондо (*кит.* вэнь-да), в которых неожиданные вопросы влекли за собой не менее неожиданные ответы. Зачастую дзэнские наставники давали ученику импульс к Прозрению при помощи хорошей оплеухи или зуботычины. Некоторые также использовали палку, сандалию или любой другой предмет, подвернувшийся под руку.

Уже к началу VII в. Чань занял прочные позиции среди прочих буддийских сект в Китае. Примерно в тот же период произошло разделение секты на Северную ветвь, пользовавшуюся покровительством императора, и Южную. Первая выдвигала идею «постепенного» Прозрения, вторая отстаивала тезис о Прозрении мгновенном и произвольном, ведущем к состоянию просветленности (*яп.* саммай, *кит.* саньмэй, *санскр.* самадхи). В дальнейшем в чаньской традиции возобладали влияние Южной ветви, основателем которой был Шестой патриарх Хуэй Нэн.

В эпоху Тан (618–907), когда все буддийские секты в Поднебесной империи переживали пору небывалого расцвета, наращивая свое могущество путем строительства храмов и монастырей, секта Чань не слишком активно участвовала в разделе сфер влияния и потому, возможно, меньше пострадала в пору жестоких гонений на буддизм, последовавших в 845 г. Из так называемых Пяти направлений и семи школ Чань, возникших на протяжении VII–XI вв., особого внимания заслуживает учение Линьци (ум. 867), прославившегося прежде всего иконоборческими лозунгами. Отрицая ценность лю-